

А. Б. Пермиловская

Часовня в традиционной культуре Русского Севера

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ
«Сибирь и Русский Север: проблемы миграции и этнокультурных взаимодействий. XIX – начало XXI в.»,
проект № 1001 00470 – А

Часовни – одно из наиболее ярких проявлений традиционной культуры Русского Севера и его деревянного зодчества. Они прочно вошли в сложившуюся систему культурного ландшафта. В статье рассматриваются причины постановки часовен и их типологические признаки: место проведения богослужения, поминовения, часовни-усыпальницы, обетные и «обыденные» часовни, промысловые, старообрядческие часовни.

Ключевые слова: часовня, традиционная культура, Русский Север, деревянное зодчество, культурный ландшафт.

A. B. Permilovskaya

The Chapel in the Traditional Culture of the Russian North

Chapels are the most vivid manifestations of northern Russian traditional culture and its wooden architecture. They entered the existing system of the cultural landscape. The article considers the reasons of chapels' building and their typological signs: the place of holding divine services, prayers for the dead, chapels-burial vault, memorial chapels of promise and "ordinary" chapels, commercial and Old Believers' chapels.

Keywords: chapel, traditional culture, the Russian North, wooden architecture, cultural landscape.

Часовня – это простейшее выражение храма, от него она отличается меньшими размерами и отсутствием алтаря. Эти культовые постройки были предназначены для богослужения без литургии. Часовни – одно из наиболее ярких проявлений традиционной культуры и деревянного зодчества Русского Севера. В конце XVII – начале XX века здесь существовало большое количество часовен, что подтверждается архивными документами и переписью, проведенной в 1692 г. в одном из районов Севера – Поважье. Общее количество учтенных часовен – 433, «наиболее распространенным типом следовало считать часовню с приходом в четыре двора» [20, 29, с. 21]. В 1910 г. на каждый приход в другой северной епархии (Олонецкой) приходилось по три часовни [22, с. 134]. Характерной особенностью было существование «часовенных приходов». Поскольку священника при часовнях иметь не полагалось, то позволительные для мирянина службы – чтение «часов» – проводили сами крестьяне. В некоторых часовнях накапливалась казна, которая могла стать при необходимости ссудной кассой, строился хлебный амбар, образовывались земельные владения. Управлял часовней и ее имуществом часовенный приказчик или староста.

Часовни получили широкое распространение в сельских поселениях и прочно вошли в сложившуюся систему сакрального ландшафта Русского Севера. Таким образом, можно говорить о существовании сакральных или природно-сакральных комплексов. Самый распространенный вариант – часовня в роще. Роща в полной мере обладает важным свойством границы, особенно если она расположена в поле или на возвышенности. Священные или святые рощи обычно имеют реликтовый характер и отличаются величиной и толщиной деревьев. Это участки леса, состоящие из очень старых деревьев (иногда они были обнесены оградой), внутри которых также находились святыни: часовня, крест, особо почитаемое дерево, целебный источник. Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться и оставляли на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах одежду, ткань, ленты, деньги и другие приношения. Здесь же совершались крестные ходы в праздники, особенно в дни освящения местных часовен [24, с. 67]. Священные рощи как культовые места сохранялись в XIX – XX веках, в наши дни они также присутствуют в традиционном ландшафте Русского Севера, в частности на западе региона (Карелия, Каргополье,

Кенозерье – на территории Кенозерского национального парка находится более 40 святых рощ). При определении функций часовен в культурном ландшафте «необходимо прежде всего указать на пограничный характер их топографии». Часовня, как и крест, всегда возводится на границе [26, с. 160] сельских угодий, деревни и кладбища, на берегу реки или озера, на острове (граница земли и воды), на дороге. Пример придорожной часовни – Троицкая часовня из д. Вальтево Пинежского района (1728 г.), через которую проходил старинный тракт с Пинеги на Мезень. В этой часовне путник мог помолиться, перекусить (здесь оставляли запас продуктов), переночевать.

Причины постановки часовен можно определить, исходя из их типологических признаков. По типологическим признакам эти культовые постройки можно отнести к следующим группам, учитывая выполняемые ими функции. Часовня – это место проведения богослужения. Для этого из крестьянской среды выбирали наиболее грамотного, уважаемого человека, обладавшего хорошим голосом. По канону в часовне, поскольку здесь отсутствует алтарь, не могли совершаться таинства. Но на Русском Севере это правило нарушалось. В часовне крестили новорожденных и отпевали умерших. В более редких случаях происходило венчание, о чем свидетельствует указ Святейшего Синода от 18 августа 1769 г. о разрешении венчания в часовне.

В прошении 1820 г. крестьян Водлозерской Ильинской волости о разрешении строительства часовни приводился следующий аргумент: «Деревни состоят от приходской церкви в пяти верстах, со всех сторон окружены водами, почему в вешнее и осеннее время за распутием, а в летнее иногда за сильными погодами, в приходскую церковь для богомоления по рачению прихожан притти не можно» [22, с. 130]. Тем не менее, только географическим фактором – удаленностью поселения от приходской церкви – нельзя объяснить большое количество часовен на Русском Севере. Несмотря на сформировавшееся устойчивое мнение в богословских и светских исследованиях – это вторичная, сопутствующая причина, а не главная. Некоторые регионы Русского Севера имели значительное количество часовен. В качестве примера приведем уникальное Кенозерье, где в настоящее время находится 11 церквей (из 18 существовавших), 39 часовен (из 82 существовавших), 29 поклонных крестов, более 40 «святых» рощ, культовых камней, а также 3 православных монастыря, сейчас утраченных.

В целом по Каргопольскому уезду, куда входило Кенозерье, в XIX веке было 49 церквей, 169 часовен и молитвенных домов [4]. Однако внутри Каргополя Кенозерье выделяется тем, что часовен здесь больше, чем церквей, в 10, а на самом озере – почти в 20 раз.

Следует принять во внимание, что тип расселения в данной местности – гнездовой. Возможно, феномен большого количества часовен Кенозерья объясняется многочисленностью небольших патронимических деревень, состоящих из 2–10 домов-дворов, расположенных на расстоянии 2–5 км друг от друга, а также особым островным ландшафтом, изолированностью и изрезанностью береговой линии. Согласно исследованиям автора, в начале XX века в с. Кимжа на Мезени насчитывалось 5 часовен, которые были расположены на расстоянии 0,5–2 км друг от друга и от главной Одигитриевской церкви Кимженского прихода. Такое большое количество часовен было вызвано не удаленностью их от приходского храма (скорее, здесь можно говорить о близости к храму), а совсем другими причинами функционально-типологического характера [21].

«Нередко случалось, что часовню устраивало не все крестьянское селение, а одно частное лицо – на своей земле. Такая часовня редко служила местом общественной молитвы: большей частью она как частная собственность служила чем-то вроде *домашней церкви*. Собственник ее в некоторых случаях – главным образом в праздник того святого, в честь которого она была освящена, приглашал священника и служил здесь молебен» [2, с. 338]. По мнению Н. М. Терехина, в строительстве собственных часовен и храмов отчетливо проявилось присущее народному православию «стремление к личной, персональной встрече с Богом. Возведя храм или часовню, крестьяне верили, что они строят дом, где не мистически, а реально будет обитать святой, во имя которого освящен храм» [26, с. 158]. Часовня – это дом, где живет Бог, реальный часовенный святой. С точки зрения местных жителей, молитва, обращенная к нему, будет услышана быстрее. Например, на вопрос: «Почему крестьяне не позволили разрушить часовню?», они ответили: «Умрет Никола. Вся деревня умрет».

К числу важнейших функций часовен относится *поминальная*, чаще всего поминальные часовни сооружались на кладбищах. К этому же типу относятся *часовни-усыпальницы*, возведенные над мощами месточтимых святых. Именно такая часовня была построена на могиле мест-

ночтимого святого Петра Черевковского, священника из с. Черевково, погибшего в 1613 г. от руки «литовских воровских людей». Другая поминальная часовня-усыпальница над мощами местночтимого святого Артемия Веркольского была построена в д. Ежемени на Пинеге в 1639 г. Жители получали исцеление от них, о чем свидетельствует корпус местных и монастырских легенд: «*После перенесения мощей святого Артемия в придел пришла одна женщина и принесла с собой младенца с расслабленной рукой. Она приложила малютку ко гробу святого Артемия, и больная рука малютки стала здоровою*» [25, с. 69].

Один из самых распространенных типов – это *обетная* часовня. Мотивация возведения подобных часовен связана с ситуацией бедствия, пороговым, кризисным обстоятельством. Наиболее частыми причинами постановки часовен были эпизоотии: «*часовня была построена по обещанию от скотинного падежа*», «*от конского падежа*». Другие причины: «*падеж скота и хлебный недород*», «*человеческая скорбь*», болезни: «*строили ее по обещанию ради от человеческой слепоты*» [20], в избавление от пожара. К обетным часовням относятся «*обыденные*» часовни. Но это особая категория культовых построек, строившихся по обету «*во один день*», не все обетные церкви/часовни были *обыденными*.

В семантике «*обыденности*» заложен признак спрессованного времени. В знаковости временной шкалы основными являются макроединицы – век, год, день. Именно такое время занимают описанные тексты или воспроизводимые в ритуале события. Однако в реальности текста и ритуала время спрессовывается в масштабе «*день за год*». Это характерно для магических ритуалов охранительного характера. Компрессия времени является главным магическим приемом действий по изготовлению *обыденных*, в один день или одну ночь, предметов – полотна, рубахи, полотенца, креста, часовни, храма [27]. Обычай строить по обету (единодневные, «*во один день*») церкви для избавления страны, города или деревни от общественного бедствия – очень древний. Первый пример обетной церкви, а может быть и *обыденной*, относится ко времени великого князя Владимира (996 г.). Спасаясь от печенегов, преследовавших его, великий князь принужден был скрыться под мостом и дал обет построить церковь в случае избавления от угрожавшей ему опасности. По удалении печенегов он немедленно исполнил свой обет: «*поставил церковь и*

створи праздник великий». Этот же церковный источник называет главными причинами построения *обыденных* церквей мор и моровые поветрия. По новгородским летописям можно считать восемь случаев строительства *обыденных* церквей с 1390 по 1553 г. в Новгороде и пять случаев с 1407 по 1552 г. в Пскове [23, с. 6–7].

«Существовали *обыденные* (и *посему* – *деревянные*) церкви различного времени: год, 23, 25 и 40 лет, иные и более 150 лет, как, например, церковь Происхождения честных древ или Спаса Всемилоствивого, построенная в Новгороде около 1424 года, простоявшая до 1592 года, когда она была заменена новой – церковью преп. Марии Египетской. В построении их участвовало все народонаселение города: одни таскали бревна, другие рубили, иные исполняли прочие работы. Ночью освящали работы, чтобы не остановить их, а самое освящение церкви должно было быть совершено в те же сутки» [23, с. 7–8]. Конечно, это требование обуславливает простоту (если не примитивность) архитектуры храма/часовни и, возможно, его относительную недолговечность. Позднее эти *деревянные «обыденные»* храмы заменялись каменными, с сохранением названия «*обыденный*». Д. К. Зеленин называет этот обычай чисто историческим, «но живые свидетели, обязанные ему своим существованием, стоят, целы и невредимы до наших дней и служат нам живой летописью. Таковы “Илья Обыденный” в Москве, Спасопробоинский *обыденный* храм в Ярославле, “Спас Обыденный” в Вологде, “Екатерининская *обыденная* церковь” в селе Екатерининском, что на реке Вятке, в Слободском уезде Вятской губернии... Величина указанной вятской церкви около полутора квадратных сажен; престолом ее служит простой пенек; царские врата – две простые доски, привязанные веревками» [10, с. 20].

Характерным явлением морской культуры Поморья было возведение *промысловых часовен* в становищах – временных поселениях, образованных в местах рыбного, зверобойного, лесного промыслов, на островах Белого и Баренцева морей. Об этом свидетельствует довольно большая группа документов ГААО с просьбами поморов о разрешении или освящении уже построенной часовни: «О самовольной постройке часовни крестьянами в Тиманском приходе на устье реки Пешы», «По прошению крестьянина Попова построить часовню при морской тоне “Татарниха”», «О самовольной постройке часовни в с. Койда Мезенского уезда» и др. В одной из них,

по результатам обыска, проведенного становым приставом, приводится описание часовни на топи в Тиманском приходе в устье реки Пеша. Тоня состояла из четырех построек и располагалась в двадцати верстах от жилья. *«Старая, по-видимому, часовня развалившаяся, при ней амбарчик для соления рыбы. В 30 шагах выше одна жилистая изба старая с новой пристройкой, а в 10 шагах новое строение с дверями. Сенцы вешены в горенку длиной 1 сажень 2 аршина, шириной 1 ¼ аршина, кругом полки, на главной стене продольные, на них три иконы. У верхней полки, видимо, прикреплены веревки для крепления лампады. На нижней полке также иконы и к ним – свечи, на окошке – ручная кадьница. На полу – деревянный ящик с углями, у другого окна – стол в виде аналоя. На полках – семь ковриг черного хлеба и одна рыба, видимо для промышленников, заблудившихся, или заставших непогодой»*. Часовня была построена крестьянами во имя святителя Николая. Она стояла незапертой, чтобы быть доступной для всех желающих помолиться. Для поддержания часовни промысловики жертвовали 24-ю часть белужьего промысла, покупали свечи на ярмарках в Пинеге и раздавали артели промысловиков. Причины строительства часовен поморы объясняли следующим образом: *«Мы, отправляясь с сего места в открытое море для звериных, морских и рыбных промыслов, чувствуем потребность помолиться и попросить у Господа помощи о благолепном плавании среди льдов, о промысле, как единственном средстве добыть себе насущный хлеб... и успешном возвращении к своей семье»* [3; 11].

В конце XVII века православные часовни в России получили устойчивую связь со старообрядческим движением, превратившись в один из наиболее значимых символов идеологии беспоповства. Это нашло отражение в особенностях формирования народной культовой архитектуры. Построенные старообрядческие часовни оставались единственной разновидностью храмов, признаваемой ревнителями «истинного благочестия». Кроме того, в глазах представителей власти часовни ассоциировались с приходской автономией, а совершаемые в них обряды менее всего поддавались контролю. Оба эти мотива предопределили исключительно сложное, по большей части отрицательное отношение духовной и светской власти к часовням и связанной с ними обрядности. В 1722 г. это обрело форму закона: Святейший Синод принял указ о «разобрании всех существующих часовен и нестроении

впредь новых» [18]. Среди многочисленных прошений, поступивших в Синод после издания указа, было и прошение архиепископа Холмогорского и Важского Варнавы с просьбой о разрешении не разбирать часовни. В 1727 г. последовало разрешение Святейшего Синода: *«которые часовни еще не разобраны и находятся в приличных местах, таковым для моления быть по-прежнему, также которые, и разобраны, а будут просители, чтобы их снова возобновить и взятые из часовни иконы отдать»*. В 1734 г. последовал новый указ, по которому было запрещено строить часовни, но старые позволено было *«оставить в прежнем состоянии»*. Только во второй половине XIX века запрет на строительство часовен был снят, но епархиальные власти северных губерний редко удовлетворяли прошения крестьян о постройке новых часовен или ремонте старых, ссылаясь на указы XVIII века [15, 16 с. 258–259]. В Покшеньгской волости (Пинега) было разрешено удовлетворить просьбу местных жителей на *«возобновление»* часовни-амбаронки, которая была возведена вокруг креста с иконами. Амбаронку позволили переделать в часовню, установив на ней крест с замечанием *«ежели в сей округе нет раскольников»* [3; 12].

На Мезени, как и в ряде других районов Русского Севера, получили распространение часовни-амбаронки. Обычно они не имели креста на крыше, но перед входом устанавливался огромный резной деревянный крест. Передняя дверь часовни, так же как и амбара, была защищена навесом-залобником на столбах, к которому подвешивался колокол. *«Часовню имеет... каждая деревня, ... выселок. Устраивают их на пунктах промыслов по берегам моря, рек, озер, в лесах. Они ... невелики, просты и примитивны по своей архитектуре, по внешнему виду их можно принять за амбарушки крестьян для сбережения зерна, муки и других припасов... Часовня в большинстве случаев – квадратный бревенчатый холодный сруб, размером от 4х4 аршина и до 9х9. Высота внутри редко выше сажени; очень часто они не имеют потолка и заканчиваются двускатной тесовой крышею. Освещается часовня через открытую дверь или же через маленькие продольные прорубы в одном бревне и без стекла. Потому зимою пол в часовне под толстым слоем снега. Вдоль передней стены на простой доске-полке установлен один ряд старых икон, между которыми можно встретить иконы-оригиналы стариннейшей работы, киоты. Украшения часовни составляют пестрые ситцевые или холщовые*

пелены, прикрепленные к полочкам божницы, различные амулеты на иконах, да затейливо выполненная из глины кадильница, в которой староста часовни в праздник при сборе молящихся раздувает с ладаном огонек и кадит перед иконами» [28, с. 20–21]. Утварь, лампы и подсвечники весьма примитивные, сделаны из корней и пней дерева.

В Каргополье верующие, молясь перед иконой о выздоровлении, вешали к иконе соответствующий больной части тела «покров» – чулок с ноги, варежку с руки, платок с головы, отрез, платье или юбку; для молитвы о домашних животных приносили масло от коровы, шерсть от овцы. Были распространены «вотивные» подвески (названы так по католическим вотивам, возлагаемым на алтарь). Это металлические или, реже вышитые изображения больной части тела (руки, ноги, зуба), об исцелении которых молились, они прикреплялись к иконе.

На Мезени существовал тип часовни, называемой «келейкой». Она была описана Н. П. Колпаковой во время ее фольклорных экспедиций по Мезени в 1928 г. «Келейка» – деревянная избушка, осененная большим «голубцом». На Мезени еще не выродился обычай уходить время от времени в тишину и покой лесной глуши. «Келейки живописно вкраплены в береговой пейзаж. Одна из них стоит недалеко от селения Дорогая Гора. Небольшой рубленый бревенчатый домик. Подле него старинный крест. После больших церковных праздников кто хотел – приходил сюда и оставался на день на два. Поживет, помолится, отдохнет и домой. Тут хорошо, спокойно, людей нет...» [13, с. 109]. В начале XXI века местные жители с. Кимжа из пяти часовен, расположенных в деревне и ее окрестностях, по крайней мере, две три относят к этому типу, вспоминая о том, что в них или рядом с ними жили женщины пожилого возраста: «...часовня была за Бором – это така комнатушка, где иконы с полу до потолка висели, жили монашки-староверки» [21, с. 284].

Часовни – сооружения истинно народной архитектуры, явление, в котором проявился феномен народного православия на Русском Севере. Простой количественный подсчет показывает, что их было значительно (в 2–3 раза) больше храмов. В численном отношении они преобладали в районах с сельскохозяйственной направленностью, особенно скотоводством. Количество часовен зависело от типа расселения, более всего они строились в поселениях гнездового типа. Например в XIX веке в Каргопольском уезде,

имевшем земледельческое направление и гнездовой тип расселения, было 49 церквей, 169 часовен [4]. В Онежском уезде единичные автономные деревни располагались по берегам реки Онеги, занятия населения имели промысловую направленность. Здесь возводилось значительное количество крупных приходских ансамблей «тройников», часовни получили меньшее распространение: 63 церкви и 48 часовен [8]. В другом земледельческом районе в Поважье, в Вельском уезде Вологодской губернии было 80 церквей и 156 часовен [19, с. 198].

Большая часть северных часовен строилась по обетам. По мнению Т. А. Бернштам, «заветные праздники были разнообразны по происхождению (“явление иконы”, эпидемия, эпизоотия, градобитие, пожар), но всех их объединяли три основных признака: они были христианские по форме, происходили в весеннее-летнее время и возникали по случаю. Возникновение заветных праздников – проявление регенерирующей способности традиционной культуры, сохраняющей под христианской формой архаическое содержание» [1, с. 216]. Для северных крестьян «основное значение имели мелкие богослужебные чины и обряды на разные практические случаи жизни; для совершения таких служб церковь не была необходимой» [17, с. 57], эту функцию выполняла часовня.

Другой важной причиной широкого бытования часовен на Русском Севере было превращение их в религиозные центры старообрядцев, службы в которых местное население предпочитало церковным. «Большинство жителей отличается холодностью к вере и церкви Божьей, и если не числятся в расколе, то склонны к нему» – подобные сообщения присылали священники из разных мест [14, с. 118]. Каргополье, Мезень, Пинега, Поморье были оплотами старообрядчества на Севере.

Важным фактором существования часовен была далеко зашедшая независимость часовенных прихожан, которые переставали ходить в свою церковь и приглашали на богослужение в часовни священников из других приходов или монастырей. «Во многих из крестьян выражается желание обособиться в своих часовнях, для которых они делают значительные сборы и избирают особых старост» [6; 15] – отмечает Архангельский епископ Антоний в деле об обозрении церковью Мезенского и Пинежского уездов в 1857 г. В XVIII–XIX веках были распространены часовни, имевшие вид столбов и крестов, слу-

жившие своеобразной переходной формой от обетного креста к часовне. В народе их называли уменьшительно «часовенками» – «в крестах просто вырезаются изображения Распятия, а в столбах вкладываются литые, медные кресты, иконы задергиваются пеленами; сверху их иногда привешиваются куски разной материи, узорчатого полотна или холста, на которых вышиваются кресты» [9, с. 4–8].

«Небо», «небеса» – еще один феномен часовен и храмов Русского Севера, получивший в особенности большое распространение в Кенозерье. «Небо» – конструкция потолочного перекрытия в храме, имеющая форму пологой усеченной многогранной пирамиды, радикальные грани которой возвышаются к центральному кольцу. Коллекция небес Кенозерского национального парка уникальна. 16 комплексов представляют разнообразие иконографии, композиции и стиля иконописания. Здесь сохранились редкие двойные «небеса» в главном молитвенном помещении и в алтаре. В Никольской часовни д. Усть-Поча – единственное известное сегодня подписное «небо». На одиннадцати гранях размещены фигуры архангелов и евангелистов. Восточная грань вместо традиционного распятия отведена мастером для образа Николая Чудотворца. На «небо» мастер поместил весь часовенный образ. Над фигурами ангелов и святых – кольцо серафимов, окружающих Новозаветную Троицу. В нижней части граней «неба» помещены клейма из жития Святого Николая. Но самое интересное – это надпись на «небесах»: *«Писаны сии небеса въ 1881 живописцомъ Федором Захаровымъ Иокомъ, уроженцемъ Олонецкой губернии Каргопольского уезда Мишковской волости дер. Большое Коневое отроду 17 лет...»* [21, с. 289].

Примечания

1. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины в XIX – начале XX века: половозраст. аспект традиц. культуры [Текст] / Т. А. Бернштам. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 277 с.

2. Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века : церк.-ист. очерк [Текст] / В. Верюжский. – СПб. , 1908. – 683 с.

3. ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 535; Д. 1023; Д. 1747.

4. ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 101. Л. 6 об.

5. ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 4. Д. 3357.

6. ГААО. Ф. 29. Оп. 2, т. 4. Д. 214. Л. 23–23 об.

7. ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 101. Л. 6 об.

8. ГААО. Ф. 29. Оп. 1, т. 1. Д. 578.

9. Ефименко, П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2: Народная словесность [Текст] / П. С. Ефименко. – М. , 1878. – 276 с. – (Изв. императ. о-ва любит. естествозн., антропологии и этнографии; Т. 30: Тр. этногр. отд. имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те; кн. 5, вып. 2).

10. Зеленин Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы [Текст] / Д. К. Зеленин // Живая старина. – 1911. – Вып. 1/2. – С. 1–20.

11. Иванова А. И. Священная ономастика часовен в местах поморских промыслов [Текст] / А. И. Иванова // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 2 : Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России : сб. науч. ст. / сост. Н. М. Теребихин. – Архангельск: Поморский университет, 2006. – С. 161–178.

12. Иванова А. И. Северные часовни в церковно-правовом пространстве России во второй половине XVII – начале XX в. [Текст] / А. И. Иванова // Поморские чтения по семиотике культуры : Вып. 3 : Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты Европейского Севера : сб. науч. ст. / сост. Н. М. Теребихин. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2008. – С. 486–497.

13. Колпакова Н. П. У золотых родников : записки фольклориста [Текст] / Н. П. Колпакова. – Л. : Наука, 1975. – 197 с.

14. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии : в 3 вып. [Текст] / изд. Арханг. епарх. церк.-археол. комитета. – Архангельск, 1894–1896. – Вып. 1 : Уезды Архангельский и Холмогорский. – 1894. – 371 с.

15. Лютикова Н. П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII–XIX веков [Текст] / Н. П. Лютикова // Русский Север: ареалы и культурные традиции. – СПб. : Наука, 1992. – С. 148–164.

16. Никольский К. О. О часовнях. 1889 [Текст] / К. О. Никольский // Церковные ведомости / изд. при Св. Синоде. – СПб. , 1889. – № 10, 11 и отд. отд.

17. Никольский Н. М. История русской церкви [Текст] / Н. М. Никольский. – М. : Политиздат, 1983. – 448 с.

18. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. – СПб. , 1868. – Т. 1. – № 606.

19. Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. : в 2 ч. Ч. 1. [Текст] – Вологда, 1897. – 250 с.

20. Переписная книга часовен Важской волости и Устьянских сох // РИБ. – 1692. – Т. XXV.

21. Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия [Текст] / А. Б. Пермиловская – Архангельск ; Петрозаводск, 2010. – 552 с.

22. Пулькин М. В. Строительство часовен в XVIII – начале XX в. : законодательство и приходская традиция (по материалам Олонецкой епархии) [Текст] / М.

В. Пулькин // Народное зодчество : межвуз. сб. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. – С. 123–138.

23. Сказание о построении обыденного храма в Вологде «во избавление от смертоносная язвы» [Текст]. – М., 1893. – 21 с. – Отг. из: Чтения в о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те.

24. Славянские древности : этнолингв. слов. : в 5 т. Т. 2 : Д–К (Крошки) [Текст] / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 699 с.

25. Соснина Л. М. Артемиево-Веркольский монастырь [Текст] / Л. М. Соснина. – Архангельск : Правда Севера, 2007. – 256 с.

26. Терехин Н. М. Метафизика Севера [Текст] / Н. М. Терехин. – Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2004. – 272 с.

27. Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира: исследования по структуре текста [Текст] / Т. В. Цивьян; РАН. Ин-т славяноведения. – М. : Индрик, 1999. – 375 с.

28. Шабунин Н. А. Северный край и его жизнь : путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии художника Н. А. Шабунина [Текст] / Н. А. Шабунин // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. – СПб., 1908. – Т. 84, № 1. – С. 1–44.

29. Яницкий Н. Ф. Северно–русская часовня в конце XVII века (по переписи часовен 1692 г.) [Текст] / Н. Ф. Яницкий // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Императорском университете св. Владимира. – Киев, 1914. – С. 123–143.